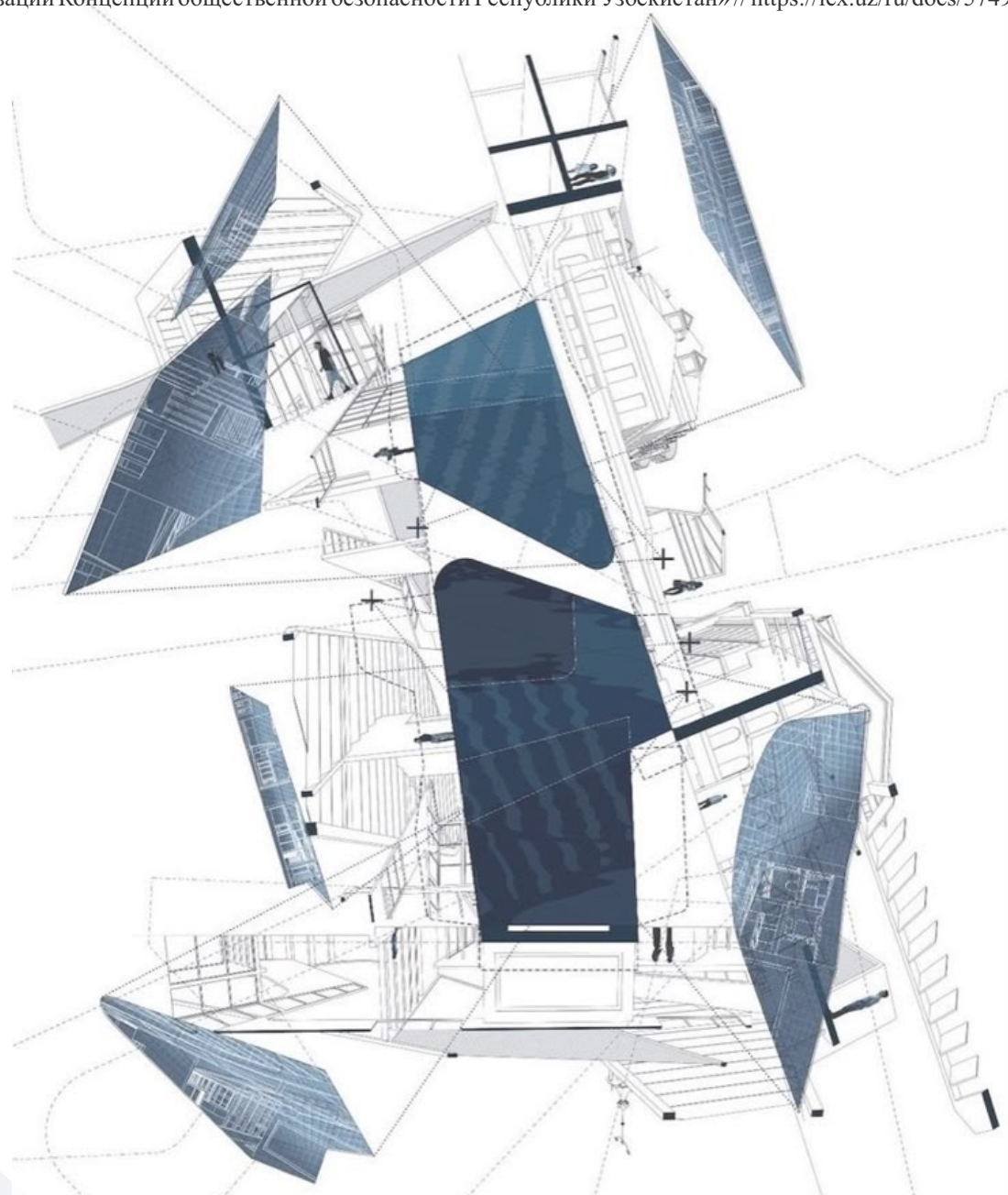

10. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года. М.: ГИАС МВД России, 2023. 72 с.
11. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М.: Российское право, 1992. 432 с.
12. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть): учебное пособие. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 284 с.
13. Корецкий Д.А., Землянухина Л.М. Личность вооруженного преступника и предупреждение вооруженных преступлений. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. 284 с.
14. Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан, от 27.02.1996 г. № 3 «О судебной практике по делам о незаконном владении оружием» // <https://lex.uz/uz/docs/1441583>.
15. Невский С.А. Противодействие незаконному обороту оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (исторические, криминологические и уголовно-правовые аспекты). М.: Юрлитинформ, 2008. 312 с.
16. Уголовный кодекс Республики Узбекистан // <https://lex.uz/docs/111457>.
17. Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности // <https://www.lex.uz/acts/97661>.
18. Корецкий Д.А., Пособина Т.А. Современный бандитизм в системе вооруженной преступности: учебное пособие. Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт МВД России, 2001. 260 с.
19. Указ Президента Республики Узбекистан, от 29.11.2021 г. № УП-27 «О мерах по утверждению и реализации Концепции общественной безопасности Республики Узбекистан» // <https://lex.uz/ru/docs/5749295>.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ УЗБЕКИСТАНА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

*Что такое преступление? Вот в чем вопрос.
Если этот вопрос не разрешен, то добро и зло,
виновность и невиновность зависят вполне
от каприза людей и произвола законодателей.*
Ад. Франк

Холикулов Умид Шодиевич

Университет общественной
безопасности Республики
Узбекистан, профессор
кафедры Уголовного права,
доктор юридических наук (DSc),
доцент

O'zbekiston Respublikasi Jamoat
xavfsizligi universiteti, Jinoiy
huquq fanlar kafedrası professori,
yuridik fanlar doktori (DSc),
dotsent

Professor, Doctor of Law (DSc),
Associate Professor, Department
of Criminal Law, University of
Public Security of the Republic of
Uzbekistan

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-правовые и философско-методологические основания понятия преступления в уголовном праве Республики Узбекистан. Проведён комплексный анализ лингвистической природы термина «преступление», а также его правовой конструкции в историческом и сравнительно-правовом аспектах. Автор уделяет особое внимание метафизическим аспектам понимания преступления как социально-нравственного и юридического явления. Обосновывается необходимость уточнения определения преступления в законодательстве с учётом современных процессов криминализации и декриминализации деяний, происходящих в рамках правовой реформы.

Ключевые слова: понятие преступления, уголовное право, криминализация, декриминализация, лингвистический анализ, историко-правовой подход, метафизическое содержание, правовые реформы.

THE PROBLEM OF DEFINING CRIME IN CONTEMPORARY CRIMINAL LAW OF UZBEKISTAN: LINGUISTIC AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Abstract. The article examines the theoretical-legal and philosophical-methodological foundations of the concept of crime in the criminal law of the Republic of Uzbekistan. It provides a comprehensive analysis of the linguistic nature of the term "crime" and its legal construction from historical and comparative-law perspectives. Particular attention is paid to the metaphysical dimensions of understanding crime as a socio-moral and legal phenomenon. The article substantiates the need to clarify the statutory definition of crime in light of contemporary processes of criminalization and decriminalization of acts taking place within the framework of legal reform.

Keywords: concept of crime, criminal law, criminalization, decriminalization, linguistic analysis, historical and legal approach, metaphysical content, legal reforms.

Современное уголовное право Республики Узбекистан находится на этапе масштабной трансформации, обусловленной общей векторной направленностью на построение правового, демократического и социального государства в рамках стратегической концепции «Новый Узбекистан». В центре этой трансформации стоит пересмотр фундаментальных категорий уголовного права, в числе которых особую значимость сохраняет понятие преступления как основополагающего института и ключевого критерия для определения границ допустимого и запрещённого поведения [2].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью переосмысления теоретико-правовых, лингвистических и философско-метафизических оснований понятия преступления в условиях реформирования уголовного законодательства. Современное определение преступления в ст. 14 Уголовного кодекса Республики Узбекистан, по сути, воспроизводит классическую позитивистскую модель, унаследованную от советской доктрины, что не всегда соответствует актуальным требованиям правовой определённости, справедливости и гуманизма.

Лингвистический анализ понятия «преступление»

Лингвистический подход позволяет рассмотреть понятие преступления не только как юридическую конструкцию, но и как **языковое отражение правосознания**, закреплённое в нормативных текстах и общественном дискурсе. Этимология, семантика и употребление термина в различных правовых системах дают основание утверждать, что само слово «преступление» несёт в себе **ценностную и идеологическую нагрузку**, отражающую культурные коды общества.

Этимология и значение термина

Узбекский термин **«жिनоят»** (араб. *джиноят* / جنایة) происходит от глагола *جنى* (джанā) – собирать, причинять, приносить плоды (в широком смысле – последствие) [3]. Слово «جنایة» происходит от корня «ج-ن-ي» (j-n-y), который в арабском языке ассоциируется с идеей совершения запрещённого действия, такого как грех, преступление или нанесение вреда [3; 4, с. 23–24]. Этот корень также может иметь значение «скрывать» или «утаивать», что подчёркивает скрытый характер некоторых правонарушений.

Исследования показывают, что корень «ج-ن-ي» имеет два основных значения:

1. Собирать, жать, собирать урожай:

Это отражено в словах, как «جنى» (janā), означающих «собрать урожай» или «получить плоды», где приводятся примеры, такие как «собирать, жать; приобретать, получать» [3].

2. Совершать преступление, делать что-то неправильное:

В контексте слова «جنایة», корень указывает на идею совершения запрещённого действия, нарушения моральных или юридических норм, где «جَنَى» переводится как «совершить преступление» или «нанести вред» [3; 4, с. 23–24]. Эти два значения связаны с базовой семантикой корня, которая может быть интерпретирована как «покрывать» или «скрывать», что может привести к идее «сбора» (покрытие земли плодами) или «совершения преступления» (скрытие своих действий).

Слово имеет когнаты в других семитских языках, например, в персидском *جنایت* (jenāyat, «преступление»), которое заимствовано напрямую из арабского. Это подчёркивает межъязыковую связь и распространение термина в исламском мире.

- Глагол «جَنَى» (jana) означает «совершить преступление» или «сделать что-то неправильное» [3].

- Существительное «جنایة» следует шаблону *فِعَالَة* (fi'alah), что указывает на результат действия, в данном случае – сам акт преступления.

- Родственные слова включают «جانی» (jānī, преступник) и «جنی» (janā, совершать преступление), что подтверждает связь с юридическим и моральным контекстом [3; 4, с. 23–24].

В классических арабских юридических и литературных текстах «ج-ن-ي» используется для обозначения как физических, так и моральных действий [4, с. 23–24]. Корень «ج-ن-ي» отражает ценности арабского общества в отношении справедливости и морали, особенно в контексте исламского права. Он используется для различения тяжких преступлений, таких как

убийство, от менее серьёзных, как мелкие правонарушения (جنحة, junḥah). Это подчёркивает важность правовой системы в классической арабской культуре, где наказания должны быть пропорциональны тяжести преступления. В эпоху формирования классического фикха, особенно в раннеаббасидский период, происходила систематизация исламско-правовой доктрины, однако речь шла не о государственных уголовных кодексах в современном смысле, а о фикховых трактатах, школах права и судебно-административной практике. В этой доктрине термин *jināyah* в техническом значении преимущественно связывался с посягательствами на жизнь и телесную неприкосновенность, прежде всего убийством и телесными повреждениями, которые рассматривались через институты *qīṣāṣ* и *diya* [4, с. 23–24; 7, с. 38–40].

Таким образом, **джиная** в классическом исламском праве имеет не только юридическое, но и **нравственно-религиозное значение**, что перекликается с метафизической трактовкой преступления как проявления зла [4, с. 23–24; 7, с. 38–40, 53–54, 65–66].

Русское слово **«преступление»** происходит от глагола *преступить* – в значении «перейти предел, нарушить установленную границу». Оно семантически связано с нарушением норм, переходом черты дозволенного. Уже в древнерусском языке *«преступникъ»* обозначал человека, осознанно нарушившего запрет, установленные правила или клятву. Это отражает **онтологическую идею преступления как выхода за рамки порядка**, противопоставления себя норме, праву, коллективу [8].

Латинское слово *crimen* первоначально означало «обвинение, упрёк, осуждение», от глагола *cernere* – решать, отделять, различать [2]. В классическом римском праве *crimen* обозначало **общественно значимое нарушение**, подлежащее рассмотрению в судебном порядке, особенно если оно нарушает общественный порядок (*res publica*). *Crimen* в большей степени связано с **социальной реакцией и осуждением**, чем с фактом причинения вреда как таковым. В английском языке слово *crime*, воспринятое через французское *crimne*, сохраняет латинскую основу и также акцентирует внимание на **общественной реprobации и государственном преследовании**, в отличие от «tort» (деликта) – гражданского нарушения [2].

Таким образом, **в разных правовых культурах терминологическое ядро преступления выражает сочетание идей вреда, запрета, осуждения и перехода границы**, что указывает на универсальность концепции, несмотря на различия в формулировках.

Языковая структура и нормативные дефиниции

Современное определение преступления в статье 14 УК Республики Узбекистан представляет собой формализованную дефиницию: *«Преступлением признаётся виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое настоящим Кодексом под угрозой наказания»* [1]. Эта конструкция унаследована от советской уголовно-правовой школы, восходящей к взглядам Н.Д. Сергеевского, Н.С. Таганцева и С.В. Познышева [10; 11; 12]. Она отражает **юридический позитивизм**, согласно которому преступление – это то, что прямо обозначено законом как запрещённое и наказуемое.

Данное определение формализовано, построено на логико-юридическом языке и содержит четыре элемента: **виновность, общественная опасность, запрет законом и угроза наказания**. Однако в нём отсутствуют такие семантически значимые слова, как «ущерб», «зло», «ценности», «нравственность», «справедливость» – что делает норму юридически точной, но **лингвистически и философски неполной**.

В европейских юрисдикциях (н-р, в УК Франции или Германии) определения преступления либо отсутствуют вовсе, либо носят более гибкий характер [35; 36]. Это обусловлено

тем, что в традиции континентального права **понятие преступления выводится из совокупности признаков**, а не закрепляется в виде законченной формулировки. Для сравнения, в **англо-саксонском праве** (например, в Великобритании и США) законодательство **не даёт общего определения преступления**. Вместо этого определение основывается на судебной доктрине (case law). В английской уголовной доктрине преступление (crime) традиционно трактуется как: «*An act or omission, punishable by law, which is against the public interest*» (*Деятельность или бездействие, наказуемое по закону и противоречащее общественному интересу*).

Американский юрист Дж. Холл (Jerome Hall) определяет преступление как: «*Social harm defined and made punishable by law*», то есть как **социальный вред, определённый и подлежащий наказанию по закону** [26]. Это определение подчеркивает **вред, причинённый интересам общества**, и отделяет преступление от других правонарушений по степени социальной значимости. В отличие от континентального подхода, англо-саксонский фокусируется на **общественном вреде и общественной опасности посредством обеспечения прав и безопасности отдельной личности**, а не на формализованной структуре. В XIII веке преступления были разделены на три группы: касающиеся короля; касающиеся частных лиц; касающиеся и короля, и частных лиц. Несколько позже сложилась трехчленная классификация преступлений: тризен (измена), фелония (тяжкое уголовное преступление) и мисдиминор (проступки) [20, с. 150; 25, р. 56–60].

Таким образом, при всей разнице в подходах, как в романо-германской, так и в англо-саксонской традиции преступление мыслится как деяние, нарушающее определённые **основополагающие интересы общества**, требующее **публичной правовой реакции** – наказания или санкции.

Языковая репрезентация и правосознание

Специфика правового языка Узбекистана состоит в **двуязычии правовой системы**: тексты законов существуют как на узбекском, так и на русском языках. Это вызывает проблему **неполной эквивалентности терминов**. Так, слово «жиноят» и «преступление» часто используются как синонимы, но имеют **разную лексико-культурную нагрузку**. Кроме того, в общественном и медийном обороте слово «жиноят» употребляется нередко и в контексте **аморального, но не обязательно уголовного поступка**, что затрудняет чёткое разграничение юридических и социальных смыслов.

Анализ показывает, что необходимо проводить **лексикографическую и нормативно-терминологическую гармонизацию** понятия преступления, особенно в условиях реформирования УК и развития национальной юридической терминологии на узбекском языке.

Понятие преступления: теоретико-правовые и философские основания

Понятие преступления занимает центральное место в системе уголовного права, поскольку именно оно определяет границы допустимого и недопустимого поведения, служит критерием для дифференциации мер уголовной ответственности и составляет основу правовой политики государства в борьбе с общественно опасными деяниями.

Преступление как правовая категория

В национальном уголовном праве, как и в большинстве континентальных правовых систем, преступление традиционно определяется как виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое уголовным законом под угрозой наказания (ст. 14 УК РУз). Данная дефиниция отражает юридическую модель, в которой преступление мыслится как формально-материальная категория – то есть совокупность общественной опасности, вины, противоправности и наказуемости.

Однако в научной литературе нередко подчёркивается неполнота такого подхода. Так, ряд авторов указывают на необходимость включения в структуру преступления не только нормативных, но и аксиологических элементов – в том числе нарушенных ценностей, культурных ориентиров, социокультурной восприимчивости общества к определённым формам зла.

В этом смысле, по справедливому замечанию С.Г. Келиной, «преступление – это не только юридический факт, но и правовая оценка, воплощающая в себе нравственные, культурные и политические установки общества» [38, с. 11].

Вместе с тем, по словам Теренса Морриса, «преступление – это то, что общество называет преступлением, поскольку устанавливает, что действие является нарушением уголовного закона. Без закона вообще не может быть никакого преступления, хотя может быть моральное негодование, которое приводит к принятию закона» [42, р. 17].

В арабской юридической литературе и законодательстве некоторых арабских стран также имеются попытки дать формализованное определение понятия преступления. Так, в статье 4 Уголовного кодекса Марокко закреплено, что «Положения настоящего кодекса применяются даже к вопросам, регулируемым отдельными законами и нормативными актами, в той мере, в какой в этих законах не предусмотрены конкретные положения».

Арабский правовед Джунди Абдель Малек выделяет следующие элементы преступления: выражение правонарушения в определённой объективной форме (объективность), противоправность, запрет под угрозой уголовного наказания (штрафа), совершение правонарушения без законных оснований [6, с. 6]. Иорданский юрист Мухаммад Субхи Наджм отмечает, что «преступление – это действие (бездействие), совершенное психически здоровым человеком, наносящее ущерб общественным отношениям и наказуемое уголовным законом или мерами безопасности» [7, с. 9].

Метафизическая природа преступления

Метафизический подход к пониманию преступления уходит своими корнями в античную и религиозно-философскую мысль, где преступление воспринималось не как нарушение закона, а как **нарушение порядка бытия**, как проявление зла. «В западно-христианской канонической традиции раннего Средневековья грех и преступление первоначально находились в тесной взаимосвязи, однако в XI–XII в.в. каноническая доктрина постепенно различила грех как предмет духовно-нравственной оценки и преступление как внешнее, тяжкое и юрисдикционно значимое нарушение церковного или общественного порядка» [43, р. 185–188; 44, р. 662–664].

В исламско-правовой традиции *jināyah* употребляется в широком и узком значениях. В широком смысле этот термин может обозначать всякое запрещённое деяние, однако в техническом языке факихов *jināyāt* преимущественно относится к посягательствам на жизнь и телесную неприкосновенность, прежде всего убийству и телесным повреждениям. Эти деяния рассматриваются через институты *qisās* и *diyya*. Наряду с этим общая система исламского уголовно-правового регулирования включает *hudūd*, *qisās/diyya* и *ta'zīr*, а у Peters также выделяется *siyāsa* [9, с. 23–24; 11, р. 38–40, 53–54, 65–66].

В классической немецкой идеалистической и русской религиозно-нравственной философии XIX века преступление рассматривалось не только как внешний вред, но и как выражение свободной воли, вступающей в противоречие с правом и нравственным порядком. У Гегеля преступление выступает как отрицание права как права: преступник своим деянием не просто причиняет ущерб, а утверждает частную волю против всеобщей воли права.

У В.С. Соловьёва уголовно-правовой аспект преступления связывается прежде всего с объективным фактом нарушения чужого права, однако внутренние психологические моменты, включая преступное намерение, имеют значение для характеристики личности виновного. При этом право у Соловьёва понимается как принудительный минимум нравственности, необходимый для защиты личности, общества и условий нравственного совершенствования [19, с. 113–118; 20, с. 107–108, 401–402, 447–449].

В современной философии уголовного права преступление всё чаще раскрывается через категории публичного зла, вреда, виновного нарушения прав и общественного ответа на неправомерное поведение. Р.А. Дафф рассматривает уголовное право как институт, который определяет и публично осуждает такие wrongs, которые затрагивают ценности гражданского порядка и требуют ответа от имени политического сообщества [27, р. 310–311; 28, р. 27–48]. Д. Хусак связывает пределы криминализации с проблемой чрезмерного расширения уголовного запрета и необходимостью самостоятельного обоснования каждого уголовно-правового запрета [29, р. 55–177]. В. Тадрос подчёркивает связь между неправомерностью и преступлением: для понимания уголовного права необходимо анализировать не только причинённый вред, но и природу неправомерности, основания криминализации, ответственность виновного и пропорциональность наказания [30, р. 4–5].

В условиях секулярного права Республики Узбекистан метафизический подход не является нормативным, однако он позволяет глубже осмыслить природу преступления как деяния, противостоящего не только правопорядку, но и системе ценностей, на которых он зиждется. Преступление в этом контексте – это **антитеза общественного идеала**, акт деструкции, влекущий за собой не только юридические, но и нравственно-социальные последствия.

Конструктивные признаки преступления: традиция и модернизация

Современное определение преступления в законодательстве Республики Узбекистан сохраняет **классическую четырёхчленную конструкцию**: деяние должно быть общественно опасным, противоправным, виновным и наказуемым. Однако такая формулировка, по мнению ряда исследователей, **страдает формализмом** и не отражает всей сложности правовых реалий.

Так, в условиях цифровизации, транснационализации преступности и изменяющейся социальной чувствительности общественная опасность деяния может быть по-разному воспринята в зависимости от культурного контекста, медиафона и правосознания.

Кроме того, возникает вопрос о **границах уголовно-правового запрета**: где проходит черта между преступлением и административным правонарушением, моральным проступком или девиантным, но не опасным поведением?

С этих позиций концептуально важно **расширить критерии оценки преступности деяния**, включая в анализ:

- аксиологическую значимость нарушенного интереса;
- степень вреда, не только материального, но и культурного, морального и символического;
- реакцию общества и правоприменителей;
- правовую целесообразность криминализации или декриминализации.

Историко-правовой аспект развития понятия преступления

Историко-правовой анализ позволяет проследить эволюцию понятия преступления в правовых системах, оказывавших влияние на современное уголовное право Республики Узбекистан, и выявить устойчивые элементы, а также культурно-правовые особенности в

определении преступного поведения. Это необходимо для глубокого осмысления категории преступления не только как формального правового института, но и как отражения социокультурной динамики.

Период исламско-правовой традиции

До колонизации территории современного Узбекистана российской империей уголовно-правовое регулирование опиралось преимущественно на нормы **шариата**.

В шариатской доктрине, в зависимости от целей наказания или уголовно-правовых мер, преступления классифицировались на:

хадд – преступления против Аллаха (например, прелюбодеяние, клевета, употребление алкоголя),

кисас/дийя – преступления против личности (убийство, телесные повреждения),

таъзир – прочие проступки, на усмотрение судьи [9, р. 65–66].

Понятие «джиная» (جناية) охватывало, прежде всего, физическое или имущественное посягательство, причинившее вред, и трактовалось в контексте **религиозной и моральной ответственности**, а не просто юридического запрета. **Наказание имело восстановительный, а не карательный характер**, особенно в вопросах компенсации ущерба.

Местное обычное право, регулировало преступное поведение на основе норм чести, кровной мести и примирения. Преступление понималось как **нарушение устоявшегося общественного порядка**, зачастую связанного с родовыми и территориальными сообществами [39].

Российский и советский периоды

После установления российского колониального управления в Туркестане уголовно-правовое регулирование основывалось на сочетании общеимперского законодательства, специальных нормативных актов об управлении краем и сохранявшихся для местного населения институтов народного суда, применявших нормы обычного права, а в оседлой мусульманской среде – также отдельные положения мусульманского права. В качестве основного общеимперского уголовно-правового акта применялось Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором преступление определялось как нарушение закона, посягающее на права верховной власти, общества или частных лиц. Уголовное уложение 1903 г. было утверждено как новый кодификационный акт уголовного законодательства Российской империи, однако в полном объёме в действие не вступило: применению подлежали лишь отдельные его главы и статьи, вследствие чего Уложение о наказаниях 1845 г. продолжало сохранять своё значение в системе уголовно-правового регулирования. Существенную роль играли также акты об управлении Туркестаном, включая проект Положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями 1867 г., Положение об управлении Туркестанским краем 1886 г., а также приказы, инструкции, предписания и иные распоряжения туркестанского генерал-губернатора, определявшие административно-судебный порядок, вопросы подсудности и пределы компетенции народных судов [13, с. 174; 14, с. 174; 15, с. 1; 16, с. 96; 17, с. 282–316; 18, с. 649–703; 19, с. 1–2].

В советский период понятие преступления формировалось на основе **марксистско-ленинской теории**, в которой преступление рассматривалось как **общественно опасное поведение, подрывающее социалистический строй**. Уголовный кодекс Узбекской ССР 1924 года – это первый уголовный кодекс, введенный в действие в Узбекской ССР после ее образования в 1924 году. Он был сформирован в период становления советской власти и отражал политические и экономические реалии того времени.

Так, в УК УзССР 1922 г. закреплялось: «Преступлением признаётся всякое общественно опасное деяние или бездействие, угрожающее основам советского строя».

Ключевыми были **идеологические признаки**, такие как классовая направленность, вред социалистическим отношениям, политическая мотивация. С 1960-х годов определение стабилизировалось и приняло форму: «*Общественно опасное виновное деяние, запрещённое уголовным законом под угрозой наказания*», – что впоследствии перешло в законодательство независимых постсоветских государств, включая Узбекистан. Именно общественные отношения в качестве объекта преступления сохранили признаки имперского Уложения как «**причиняющее вред интересам государства**».

Этап независимости и национальной кодификации

После обретения независимости в 1991 году Республика Узбекистан провозгласила курс на построение правового государства, но уголовное законодательство на начальном этапе сохранило **советскую правовую матрицу**. Уголовный кодекс 1994 года, вступивший в силу в 1995 г., сохранил советскую модель определения преступления (ст. 14), без существенных теоретико-методологических обновлений.

Вместе с тем, происходившие с начала 2000-х годов реформы, особенно после 2017 года, обусловленные концепцией «Новый Узбекистан», привели к:

- **декриминализации ряда деяний** (например, в сфере хозяйственной деятельности);
- **пересмотру санкций**;
- **переоценке роли уголовного наказания**, в том числе введению альтернативных мер.

В связи с подготовкой **новой редакции Уголовного кодекса**, идёт переосмысление и понятийного аппарата. Тем не менее, **определение преступления не претерпело существенного изменения**, оставаясь привязанным к формальной конструкции. Это указывает на необходимость глубокой доктринальной переработки, учитывающей национальные особенности, международный опыт и современные вызовы.

Сравнительно-правовой анализ подходов к понятию преступления позволяет выявить как общие черты, так и уникальные особенности понятия преступления в различных правовых системах. Это важно для обоснования возможных направлений реформирования национального законодательства, в т.ч. в контексте гармонизации с международными стандартами.

Подходы романо-германской правовой семьи

В странах континентального (романо-германского) права, к числу которых относится и Узбекистан, понятие преступления чаще всего закрепляется в уголовных кодексах. Однако в ряде государств оно формулируется иначе, чем в традиционной советской модели.

Например, **Германия (УК ФРГ, § 12)**: Преступления делятся на Verbrechen (тяжкие преступления) и Vergehen (проступки). **Verbrechen** – это деяния, за которые предусмотрено наказание **не менее одного года лишения свободы**. Определение преступления как такового отсутствует, но система дифференциации по тяжести закреплена прямо в законе [35].

Франция (Французский УК, статья 111-1): «Преступления классифицируются на преступления (crimes), проступки (délits) и нарушения (contraventions)». Французское право исходит не из единого понятия преступления, а из **триады правонарушений**, каждое из которых регулируется разными нормами [36]. Однако, по определению Ад. Франка, «...легко будет заметить неверность и недостаток этих вещей. Назвать преступлением всякое нарушение уголовного закона, это значит утверждать, что всякое деяние, которое закон облагает наказанием, действительно наказуемо или достойно наказания, это все равно, что сказать: опиум усыпляет, потому что он обладает усыпляющим свойством» [23, с. 144].

Российская Федерация (ст. 14 УК РФ): «Преступлением признаётся виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое настоящим Кодексом под угрозой наказания» [45]. Конструкция практически идентична ст. 14 УК Узбекистана и воспроизводит советскую традицию. Однако в научной литературе (А.В. Наумов, В.Н. Кудрявцев) поднимается вопрос о необходимости уточнения категорий «вред», «общественная опасность», «наказуемость» – особенно в условиях цифровой эпохи и роста трансграничных преступлений [46].

Англо-саксонская модель: case law и общественная опасность

В странах англо-саксонской правовой семьи (Великобритания, США, Канада, Австралия) отсутствует легальное определение преступления, а правовая доктрина основывается на прецедентах и юридических конструкциях, сложившихся в судебной практике.

Англия: Преступлением считается **деяние, противоречащее общественному интересу и наказуемое по общему или статутному праву**. Судебная практика различает категории *felony* и *misdemeanor*, однако современное право акцентирует внимание не на формальных элементах, а на **вреде и общественном интересе** [24, р. 5–6; 25, р. 1, 56–60; 34, s. 1(1)].

США (модельный УК): Преступление – это деяние, которое представляет собой **осознанное и виновное поведение, причиняющее значительный вред обществу и подлежащее наказанию**. При этом выделяются:

mala in se – деяния, изначально считающиеся злом (убийство, кража);

mala prohibita – деяния, запрещённые исключительно законом (например, нарушения регистрации) [34, § 1.02(1)(a), § 1.04, § 1.05; 32, р. 37–38].

Англо-саксонская традиция отличается **прагматичностью**, акцент делается на доказуемый вред и общественную реакцию, а не на догматическое перечисление признаков. Это способствует гибкости правоприменения, но создаёт неопределённость при формализации норм.

Международно-правовые стандарты

Современное международное право не содержит единого определения преступления, однако отдельные акты устанавливают **признаки международных преступлений**:

Римский статут Международного уголовного суда (1998): определяет преступления как наиболее тяжкие деяния, вызывающие беспокойство международного сообщества: **геноцид, преступления против человечности, военные преступления и агрессия**. Эти деяния рассматриваются как нарушение **фундаментальных норм jus cogens**.

Документы ООН и Совета Европы (в частности, Руководящие принципы по предотвращению преступности и справедливости в отношении правонарушителей): подчёркивают, что уголовная репрессия допустима только в случае **существенного общественного вреда и необходимости государственной реакции**.

Таким образом, международная тенденция заключается в **минимизации уголовно-правового вмешательства, развитии принципов последнего средства (ultima ratio) и декриминализации малозначительных деяний**.

Проведенный анализ показывает, что:

В большинстве правовых систем понятие преступления **не закрепляется как строгое определение**, а выводится из контекста норм и практики.

Советская модель, унаследованная Узбекистаном, является одной из немногих, где понятие преступления закреплено формально, но при этом **остается доктринально статичным**.

Международные и англо-саксонские подходы подчёркивают значимость **общественного вреда и правовой необходимости наказания**, а не абстрактной конструкции.

В условиях реформ Узбекистану целесообразно **переосмыслить подход к понятию преступления**, переходя от формального перечня признаков к **функциональной и аксиологической модели**, ориентированной на защиту прав и свобод.

Проведённое исследование подтверждает исходную гипотезу о том, что понятие преступления в уголовном праве Республики Узбекистан нуждается в глубокой теоретико-методологической реконструкции. Анализ показал, что формально-юридическая конструкция, закреплённая в действующем законодательстве, не в полной мере отражает современные реалии, вызовы и ценностные ориентиры общества.

Сопоставление лингвистических и философских трактовок термина «преступление» выявило, что во всех правовых культурах – от исламской до англо-саксонской – преступление мыслится как **нарушение морально-правового порядка**, выход за пределы дозволенного, акт, несущий в себе не только юридический, но и **онтологический смысл**. Этимологический анализ показал, что язык отражает не просто форму правового запрета, но и глубинную оценку деяния обществом как опасного, вредоносного, постыдного.

Историко-правовой обзор позволил проследить эволюцию понятия преступления от шариатской системы к советской модели, и далее – к национальной кодификации постсоветского периода. При этом выявлена **инерционность позитивистского подхода**, который продолжает доминировать в уголовном праве Узбекистана, несмотря на активные реформы.

Сравнительно-правовой анализ продемонстрировал, что в большинстве правовых систем акцент смещается на **функциональное и аксиологическое понимание преступления**: важна не формальная структура, а оценка общественной опасности, вреда и необходимости уголовной репрессии. Международные стандарты подчёркивают значение принципа *ultima ratio*, который пока не получил достаточного закрепления в национальной доктрине.

Исходя из вышеизложенного, представляется целесообразным:

1. Включить в новую редакцию Уголовного кодекса РУз **уточнённое и более содержательное определение преступления**, учитывающее не только формальные признаки, но и аксиологическую составляющую.

2. Разработать доктрину **дифференцированной криминализации**, основанную на критериях существенного общественного вреда, невозможности эффективной защиты интересов санкциями иных отраслей права, а также социокультурной значимости деяния.

3. Усилить **научную и терминологическую проработку** правовых понятий в узбекском языке, обеспечив лексическую точность и эквивалентность при двуязычном регулировании.

4. Продолжить **гуманизацию уголовного законодательства**, исходя из принципа необходимости, справедливости и охраны фундаментальных прав личности.

Таким образом, формирование современного понятия преступления требует не только юридических, но и междисциплинарных усилий – в области философии права, лингвистики, истории и социологии, что соответствует духу реформ в условиях построения «Нового Узбекистана».

Использованные источники / References

1. Уголовный кодекс Республики Узбекистан, ст. 14 Электронный ресурс: <https://lex.uz/ru/docs/111457>
2. О мерах по кардинальному совершенствованию системы уголовного и уголовно-процессуального законодательства: постановление Президента Республики Узбекистан от 14 мая 2018 г. № ПП-3723. Электронный ресурс: официальный сайт Президента Республики Узбекистан. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/1827>.
3. Wiktionary. Crime // Wiktionary, The Free Dictionary. Электронный ресурс. URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/crime>.
4. Almaany. معجم المعاني الجامع / جناية Электронный ресурс. URL: <https://www.almaany.com/ar/dict/ar-ar/جناية/>.
5. Аш-Шазили Хасан Али. Джинаят в исламском фикхе: сравнительное исследование исламского фикха и права. 2-е изд. – [б.м.]: Дар аль-Китаб аль-Джами'и, [б.г.]. – 472 с. Электронный ресурс: Shamela. URL: <https://shamela.ws/book/9980> (дата обращения: 21.04.2026). (на арабском языке)
6. Джунди Абдель Малек. Уголовно-правовая энциклопедия: В.3. - Бейрут. - С. 6 (на арабском языке).
7. Мухаммад Субхи Наджм. Уголовное право Иордании. Общая часть. – Оман. – 1996. – С. 9 (на арабском языке)
8. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23566>
9. Peters R. Crime and Punishment in Islamic Law: Theory and Practice from the Sixteenth to the Twenty-first Century. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – P. 38–40, 53–54, 65–66.
10. Таганцев Н.С. О повторении преступлений: исследование. – Санкт-Петербург: Издание Журнала Министерства юстиции, 1867. – 296 с.
11. Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века: исследование. – Санкт-Петербург: А.Ф. Цинзерлинг, 1887. – XII, [2], 300 с.
12. Познышев С.В. Учебник уголовного права: очерк основных начал общей и особенной части науки уголовного права. Ч. 1. – Москва: Юридическое издательство Наркомюста, 1923. – 300 с.
13. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / отв. ред. О.И. Чистяков. – Москва: Юридическая литература, 1988. – 432 с.
14. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / отв. ред. О.И. Чистяков. – Москва: Юридическая литература, 1988. – С. 174.
15. Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. – Санкт-Петербург: Книжный магазин В.П. Анисимова, 1903. – 253 с.
16. Скобликов П.А. Новация Уголовного уложения 1903 г.: посягательство на несуществующий или очевидно негодный предмет // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2025. – Т. 29. – № 1. – С. 96.
17. Проект Положения об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областей 1867 г. // Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. – Алма-Ата, 1960. – С. 282–316.
18. Положение об управлении Туркестанского края: утв. 12 июня 1886 г. – Санкт-Петербург, 1886. – С. 649–703.
19. Эргашев Б. Источниковедение истории канцелярии Туркестанского генерал-губернатора по материалам ревизии сенатора К.К. Палена // Материалы ревизии К.К. Палена. – С. 1–2.
20. История государства и права зарубежных стран: курс лекций. – Минск: Тетра-Системс, 2006. – 340 с.
21. Гегель Г.В.Ф. Философия права // Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. VII / пер. Б.Г. Стоппнера. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. – С. 113–118. Электронный ресурс: Викитека. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Философия_права_\(Гегель,_Стоппнер\)/Часть_1/Отдел_3](https://ru.wikisource.org/wiki/Философия_права_(Гегель,_Стоппнер)/Часть_1/Отдел_3).
22. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьёв В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / сост. и общ. ред. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева; примеч. С.Л. Кравца и др. – Москва: Мысль, 1988. – С. 107–108, 401–402, 447–449. Электронный ресурс: Электронная библиотека Института философии РАН. URL: https://iphras.ru/elib/Soloviev_Opr_dobra.html.
23. Франк А. Философия уголовного права в популярном изложении // Философия уголовного права / сост. и ред. С.В. Голик. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 144.
24. Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Book IV: Of Public Wrongs. – Oxford: Clarendon Press, 1769. – P. 5–6. Электронный ресурс: The Avalon Project, Yale Law School. URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/blackstone_bk4ch1.asp.
25. Stephen J.F. A General View of the Criminal Law of England. 2nd ed. – London; New York: Macmillan and Co., 1890. – P. 1, 56–60. Электронный ресурс. URL: <https://www.lareau-legal.ca/StephenGeneral2.pdf>.
26. Hall J. General Principles of Criminal Law. 2nd ed. – Indianapolis: The Bobbs-Merrill Company, 1960. – 642 p.
27. Duff R.A. Avoiding Cruelty: Offenders as Fellow Citizens // Ordines. – 2024. – № 2. – P. 310–311. Электронный ресурс. URL: <https://www.ordines.it/wp-content/uploads/2025/04/12-Duff.pdf>.

28. Duff R.A., Marshall S.E. Crimes, Public Wrongs, and Civil Order // Criminal Law and Philosophy. – 2019. – Vol. 13. – No. 1. – P. 27–48. DOI: 10.1007/s11572-018-9457-x. Электронный ресурс. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11572-018-9457-x>.
29. Husak D.N. Overcriminalization: The Limits of the Criminal Law. – New York: Oxford University Press, 2008. – P. 55–119, 120–177. Электронный ресурс: Oxford Academic. URL: <https://academic.oup.com/book/5876>.
30. Tadros V. Wrongs and Crimes. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – P. 4–5. Электронный ресурс: Google Books / Oxford University Press preview. URL: https://books.google.com/books/about/Wrongs_and_Crimes.html?id=IC2hDQAAQBAJ.
31. Simester A.P., von Hirsch A. Crimes, Harms, and Wrongs: On the Principles of Criminalisation. – Oxford: Hart Publishing, 2011. – P. 23–29, 35–88. Электронный ресурс: King's College London Research Portal. URL: <https://kclpure.kcl.ac.uk/portal/en/publications/crimes-harms-and-wrongs-on-the-principles-of-criminalisation/>.
32. Dubber M.D. An Introduction to the Model Penal Code. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – P. 37–38.
33. American Law Institute. Model Penal Code and Commentaries. – Philadelphia: American Law Institute, 1985.
34. Criminal Law Act 1967, c. 58, s. 1(1). Электронный ресурс: legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/58/section/1>.
35. Criminal Code of the Federal Republic of Germany (Strafgesetzbuch, StGB), in the version published on 13 November 1998, Federal Law Gazette I, p. 3322, as last amended by Article 2(2) of the Act of 7 November 2024, Federal Law Gazette 2024 I No. 351. Электронный ресурс: Federal Ministry of Justice. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html.
36. Code pénal de la République française. Электронный ресурс: Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719/.
37. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ; в ред. Федерального закона от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 1998. – № 26. – Ст. 3012.
38. О реформе Уголовного кодекса Российской Федерации: публикации 2009–2019 гг. // Избранные труды / сост. Е.Н. Карабанова, И.А. Стаценко; вступ. ст. О.С. Капинус. – Москва: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2019. – 384 с.
39. Якубов А.С. Теоретические проблемы формирования правовой основы учения о преступлении: предпосылки, реальность, перспективы. – Ташкент: Академия МВД Республики Узбекистан, 1996. – 269 с.
40. Келина С.Г. Проблемы уголовной ответственности. – Москва: Норма, 2004. – 384 с.
41. Келина С.Г. Общее понятие и виды освобождения от уголовной ответственности // Труды. Т. 26: Проблемы уголовной ответственности. – 1972. – С. 3–48.
42. Morris T. Crime and Criminal Justice Since 1945. – Oxford, UK; New York, NY, USA: Basil Blackwell, 1989. – 198 p.
43. Berman H.J. Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983. – P. 185–188. https://politicayderechoenlaedadmedia.wordpress.com/wp-content/uploads/2016/07/berman_law_and_revolution_the_formatibookzz-org-1.pdf.
44. Beznosova J.V., Kondratyeva A.N., Romanovskaya V.B., Kurzenin E.B. Crime and Punishment, Sin and Retribution: From the History of Religious and Legal Traditions of East and West // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol. 6. – No. 6 S2. – P. 662–668. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n6s2p662. <https://www.richtmann.org/journal/index.php/mjss/article/view/8142>.
45. Уголовный кодекс Российской Федерации. В ред. Федерального закона от 25.06.1998 N 92-ФЗ.
46. Избранные труды. О реформе Уголовного кодекса Российской Федерации (публикации 2009–2019 гг.) / [сост. Е.Н. Карабанова, И.А. Стаценко; вступит. ст. О.С. Капинус]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2019. – 384 с. – (Научные труды ученых Университета прокуратуры Российской Федерации).

TOVLAMACHILIK JINOYATLARINING OLDINI OLISHNI TASHKILIY-HUQUQIY TA'MINLASHNI TAKOMILLASHTIRISH MASALALARI

Irisbekov Ulug'bek Askarbekovich

O'zbekiston Respublikasi
Kriminologiya tadqiqot
instituti yetakchi ilmiy xodimi

Исследовательский институт
криминологии Республики
Узбекистан, ведущий научный
сотрудник

Research Institute of
Criminology of the Republic of
Uzbekistan, leading researcher

Annotatsiya. Mazkur maqolada tovlamachilik jinoyatlarini oldini olishni tashkiliy-huquqiy ta'minlashning dolzarb masalalari tahlil qilingan. Unda zamonaviy globallashuv va raqamli transformatsiya sharoitida tovlamachilik jinoyatlarining shakl va usullari o'zgarib borayotgani, xususan, kibermuhitda sodir etilayotgan tovlamachilik holatlari ortib borayotgani asoslantirgan. Tovlamachilik profilaktikasining tashkiliy-huquqiy mexanizmi normativ-huquqiy, institutsional, axborot-tahliliy, viktimologik hamda raqamli xavfsizlik elementlari nuqtai nazaridan kompleks tahlil qilingan hamda takliflar ishlab chiqilgan. Tadqiqot natijalari tovlamachilik jinoyatlarining latentsligini kamaytirish, ularni barvaqt aniqlash va profilaktika samaradorligini oshirishga xizmat qiladi.

Kalit so'zlar: tovlamachilik, tovlamachilik profilaktikasi, tashkiliy-huquqiy ta'minlash, kibertovlamachilik, viktimologik profilaktika, raqamli xavfsizlik, huquqbuzarliklar profilaktikasi, sun'iy intellekt, profilaktika subyektlari, latent jinoyatchilik.

ISSUES OF IMPROVING THE ORGANIZATIONAL AND LEGAL FRAMEWORK FOR THE PREVENTION OF EXTORTION CRIMES

Abstract. This article analyzes current issues related to improving the organizational and legal framework for the prevention of extortion crimes. The study substantiates that under conditions of modern globalization and digital transformation, the forms and methods of extortion are changing, particularly due to the increasing number of extortion cases committed in cyberspace. The organizational and legal mechanism for extortion prevention is comprehensively examined from the perspectives of regulatory, institutional, information-analytical, victimological, and digital security elements, and a number of practical proposals are developed. The findings of the study are aimed at reducing the latency of extortion crimes, ensuring their early detection, and increasing the effectiveness of preventive activities.

Keywords: extortion, prevention of extortion, organizational and legal support, cyber extortion, victimological prevention, digital security, crime prevention, artificial intelligence, prevention subjects, latent crime.

Globallashuv va raqamli transformatsiya jarayonlari sharoitida jinoyatchilikning yangi shakllari paydo bo'lib, an'anaviy jinoyatlarning mazmun-mohiyati va ko'rinishlari o'zgarib bormoqda. Ana shunday ijtimoiy xavfli qilmishlardan biri tovlamachilik jinoyati bo'lib, uning ijtimoiy xavfi mulkiy manfaat orttirish maqsadida shaxsga nisbatan ruhiy bosim o'tkazish, tahdid qilish, ma'lumotlarni oshkor etish yoki mulkka zarar yetkazishda namoyon bo'lmoqda. Ayniqsa, raqamli texnologiyalarning jadal rivojlanishi natijasida tovlamachilikning an'anaviy ko'rinishlari bilan bir qatorda uning kibermakonda sodir etiladigan yangi shakllari ham keng tarqalmoqda.